Теория, методология и история социологии / Theory, Methodology and History of Sociology

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-362
УДК 332.1:368

Original article
EDN: TNVDFG

Стратегическое управление трансформацией социальной сферы региона на основе страховых механизмов (на примере Самарской области)

Н.Д. Алексеева. Л.Н. Куфтырева
Поволжский государственный университет сервиса,
Тольятти, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена проблеме поиска внебюджетных источников финансирования социальных обязательств регионов в условиях хронического дефицита бюджетных средств и усложнения структуры социальных рисков. Предмет анализа – потенциал страховых инструментов в системе стратегического управления социальной сферой на региональном уровне.

Цель. Обосновать направления и разработать комплекс мер по интеграции страховых механизмов в стратегию трансформации социальной сферы Самарской области, включая институциональные, финансовые и организационные инструменты повышения доступности страховой защиты для различных категорий граждан.

Методология. Исследование базируется на системно-структурном анализе социально-экономических взаимосвязей региона, статистическом анализе динамических рядов за 2015–2024 гг., контент-анализе региональных стратегических документов, а также сравнительном методе сопоставления показателей Самарской области со средними по Приволжскому федеральному округу и России.

Результаты. Выявлены ключевые тренды: сокращение численности населения, снижение бедности с 13,1% до 8,1%, рост ВРП до 3316,3 млрд. руб., а также низкое проникновение добровольного личного страхования (12% против 16% в среднем по РФ). Разработана трёхблочная модель интеграции страхования, включающая институциональные преобразования, финансово-экономические стимулы и информационно-цифровую инфраструктуру.

Область применения результатов. Результаты могут быть использованы региональными органами власти при актуализации стратегий социально-экономического развития, а также в других индустриальных регионах России.

Ключевые слова: стратегическое управление; социальная сфера; страховые инструменты; социальные риски; Самарская область; региональная экономическая трансформация; государственно-частное взаимодействие; добровольное страхование; сбалансированность бюджета

Для цитирования. Алексеева, Н. Д., & Куфтырева, Л. Н. (2026). Стратегическое управление трансформацией социальной сферы региона на основе страховых механизмов (на примере Самарской области). *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 4-20. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-362

Strategic management of the social sphere transformation in the region based on insurance mechanisms (on the example of the Samara Region)

N.D. Alekseeva, L.N. Kuftyreva
Volga Region State University of Service,
Togliatti, Russian Federation

Abstract

Background. The article addresses the problem of finding extra-budgetary sources for financing social obligations of regions under chronic budget deficits and the increasing complexity of social risks. The subject of analysis is the potential of insurance instruments in the system of strategic management of the social sphere at the regional level.

Purpose. To substantiate the directions and develop a set of measures for integrating insurance mechanisms into the strategy for transforming the social sphere of the Samara Region, including institutional, financial and organizational tools to increase the availability of insurance protection for various categories of citizens.

Methodology. The research is based on system-structural analysis of socio-economic interrelations in the region, statistical analysis of time series for 2015–2024, content analysis of regional strategic documents, and a comparative method of matching indicators of the Samara Region with the averages for the Volga Federal District and Russia.

Results. Key trends have been identified: population decline, poverty reduction from 13.1% to 8.1%, GRP growth up to 3316.3 billion rubles, as well as low penetration of voluntary personal insurance (12% versus 16% on average in Russia). A three-block model of insurance integration has been developed, including institutional transformations, financial and economic incentives, and information and digital infrastructure.

Practical implications. The results can be used by regional authorities when updating socio-economic development strategies, as well as in other industrial regions of Russia.

Keywords: strategic management; social sphere; insurance instruments; social risks; Samara Region; regional economic transformation; public-private interaction; voluntary insurance; budget balance

For citation. Alekseeva, N. D., & Kuftyreva, L. N. (2026). Strategic management of the social sphere transformation in the region based on insurance mechanisms (on the example of the Samara Region). *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 4-20. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-362

Введение

Последнее десятилетие выдалось для российской экономики непростым. Санкции, нестабильность цен на энергоресурсы, перестройка производственных цепочек, внедрение цифровых технологий и роботизация – всё это меняет привычный уклад и рынок труда. Региональные системы социальной защиты, которые долгие годы строились на бюджетном финансировании и перераспределении средств сверху вниз, в таких условиях начинают давать сбои. Они просто не успевают подстраиваться под новые реалии.

Проблем несколько, и все они взаимосвязаны. Первая – хроническая нехватка собственных доходов у регионов. По оценкам Министерства финансов, доля налоговых и неналоговых поступлений в консолидированных бюджетах субъектов Федерации в среднем колеблется в пределах 65–70%, а в дотационных территориях падает ещё ниже [3, с. 11]. Вторая – демографический тренд: население стареет, доля пожилых людей растёт, а вместе с ней – затраты на медицину, пенсионное обеспечение и долговременный уход. И это не разовые траты, а постоянно увеличивающаяся нагрузка на бюджет [13, с. 48]. Третья – растёт многообразие социальных рисков: потеря работы в связи с автоматизацией, профессиональные заболевания, длительная болезнь, уход за пожилыми родственниками. Все эти риски требуют не только оперативного реагирования, но и долгосрочного планирования и накопления ресурсов [8, с. 45].

Именно здесь страхование может сыграть ключевую роль. В отличие от бюджетных трансфертов, которые носят текущий и часто нецелевой характер, страховые механизмы основываются на принципах солидарности, эквивалентности и возвратности. Они

позволяют аккумулировать средства заранее, распределяя финансовую нагрузку во времени и между участниками системы. При этом добровольное страхование даёт индивиду возможность выбора – как по объёму покрытия, так и по набору рисков, что соответствует современным представлениям о персонализированной социальной помощи [10, с. 50].

Однако на сегодняшний день региональные стратегии в подавляющем большинстве случаев обходят страхование стороной, ограничиваясь обязательными видами (ОМС, пенсионное, производственный травматизм). Потенциал добровольного страхования жизни, здоровья, накопительных схем используется крайне слабо. По данным Банка России, доля премий по добровольному личному страхованию в общем объёме страхового рынка составляет в среднем по России около 16%, причём в промышленно развитых регионах этот показатель зачастую ниже, что парадоксально, ведь именно там выше и доходы, и профессиональные риски [2, с. 14].

Самарская область выбрана в качестве объекта исследования не случайно. Это один из ключевых индустриальных центров Приволжского федерального округа, где сосредоточены предприятия автомобилестроения, авиастроения, нефтехимии. Регион имеет высокий человеческий капитал, развитую инфраструктуру, но одновременно сталкивается с такими проблемами, как отток молодёжи, старение кадрового состава промышленных гигантов и значительная доля неформальной занятости. Изучение именно этого кейса позволяет выявить типичные для индустриальных субъектов РФ узкие места и предложить решения, которые могут быть масштабированы на другие территории.

В научной литературе проблематика использования страховых механизмов в региональном управлении представлена фрагментарно. В работах А.Г. Аганбегяна [1] и Д.А. Хомякова [11] рассматриваются общие вопросы социального страхования в контексте макроэкономической стабильности, однако региональный аспект остаётся недостаточно проработанным. Ю.В. Родионова [10] акцентирует внимание на финансовой грамотности как факторе развития страхового рынка, но не предлагает конкретных институциональных решений

для регионов. А.Г. Бреусова [12] анализирует страхование как инструмент социальной защиты, но фокусируется на федеральном уровне. Зарубежные исследователи – Эспинг-Андерсен [14], Титмусс [15], Барр [16], Фельдштейн [17], Грубер и Уайз [18], Катлер и Крюгер [19], Сапир [20], Дисней [21] – сосредоточены преимущественно на сравнительном анализе моделей социального государства и макроэкономических эффектах социального страхования, тогда как прикладные аспекты интеграции добровольного страхования в региональные стратегии остаются за рамками их работ. Таким образом, существует научный пробел, связанный с отсутствием системных исследований по внедрению страховых механизмов в стратегическое управление социальной сферой на уровне отдельного региона.

Гипотеза исследования состоит в том, что интеграция страховых механизмов в стратегическое управление социальной сферой Самарской области позволит снизить бюджетную нагрузку на 1,2–1,5 млрд. руб. к 2030 г., повысить охват страховой защитой до 250 тыс. человек и улучшить доступность социальных услуг для уязвимых категорий населения.

Цель исследования – на основе многофакторного статистического анализа и обобщения регионального опыта разработать и обосновать комплекс мер по интеграции страховых механизмов в стратегию трансформации социальной сферы Самарской области, оценить потенциальные эффекты и обозначить условия их реализации.

Для достижения поставленной цели решались следующие *задачи*:

1. Провести анализ социально-экономического положения Самарской области за 2015–2024 гг. по ключественным индикаторам (демография, занятость, бедность, доходы, страховой рынок).
2. Выявить системные барьеры, препятствующие внедрению страховых механизмов в региональную социальную политику.
3. Разработать трёхблочную модель интеграции страхования в стратегию трансформации социальной сферы.
4. Предложить дорожную карту поэтапной реализации модели и оценить ожидаемые эффекты.

Материалы и методы

Информационную основу исследования составили статистические сборники и оперативные отчёты Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Самарской области за период 2015–2024 гг.; ежегодные доклады Министерства управления финансами и Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области; аналитические обзоры Банка России по развитию страхового сектора в Приволжском федеральном округе; открытые данные Федеральной налоговой службы и Пенсионного фонда РФ, а также научные публикации и рабочие материалы профильных конференций [4; 6; 7].

В работе использован комплекс методов, выбор которых обоснован спецификой объекта и задачами исследования. Системно-структурный анализ применён для представления социальной сферы как совокупности взаимосвязанных подсистем (демография, рынок труда, доходы, здравоохранение, страхование) – это позволило выявить критические точки их взаимодействия, которые не видны при анализе каждой подсистемы изолированно. Статистический анализ дал возможность количественно оценить масштабы и направления социально-экономических сдвигов. Контент-анализ стратегических документов позволил систематизировать упоминания страховых инструментов и выявить их отсутствие в целевых индикаторах. Сравнительный метод использован для сопоставления показателей Самарской области со средними по Приволжскому федеральному округу и по России в целом, что позволило определить относительные сильные и слабые стороны региона.

Ограничения анализа: отсутствие детализированной разбивки страховых премий по муниципальным образованиям; методические расхождения между данными Росстата и Банка России в части классификации отдельных видов страхования. Эти ограничения учтены при интерпретации результатов и формулировке выводов.

Результаты и обсуждение

Самарская область – один из наиболее урбанизированных субъектов РФ (доля городского населения – около 79%). Она занимает 13-е

место в стране по объёму ВРП и входит в топ-10 по промышленному производству. Основные отрасли: автомобилестроение (АВТОВАЗ), авиастроение (АО «Авиакор»), нефтепереработка (группа «Роснефть»), химия и энергетика. В области проживает около 3,1 млн. человек, из них около 1,2 млн. – экономически активное население.

Анализ статистических данных за 2015–2024 гг. (таблица 1) позволяет выделить несколько устойчивых трендов.

Таблица 1.

Динамика основных социально-экономических показателей Самарской области в 2015–2024 гг.

Table 1. Trends in key socio-economic indicators for the Samara Region, 2015–2024.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Численность постоянного населения (на конец года), тыс. чел.	3220,8	3221,5	3214,3	3206,8	3206,2	3183,9	3164,4	3142,7	3127,8	3112,6
в т.ч. городское	2581,7	2579,3	2569,3	2558,7	2556,9	2536,4	2518,6	2498,7	2483,4	2469,3
сельское	639,2	642,2	645,0	648,1	649,4	647,5	645,8	644,0	644,4	643,2
Среднегодовая занятость, тыс. чел.	1748	1726	1670	1668	1634	1614	1638	1634	1646	1626
Безработные (МОТ), тыс. чел.	60,3	72,2	72,7	64,2	66,1	75,1	59,0	45,3	33,7	33,7
Население с доходами ниже ПМ, тыс. чел.	422,4	434,7	428,4	408,1	413,7	394,3	372,5	336,0	321,7	252,6
Среднедушевые доходы, руб./мес.	27799	26819	26932	27986	29190	29708	32343	38444	42701	51253
Средняя номинальная зарплата, руб.	26849	28295	30492	33754	36431	38748	42771	48874	58063	70393
Валовой региональный продукт, млрд. руб.	1264,9	1364,8	1449,0	1625,6	1689,6	1625,5	2157,7	2367,6	2646,5	3316,3
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	302,9	256,8	259,5	265,0	293,7	308,5	386,8	453,9	522,7	568,6

Источник: составлено авторами по [6; 7].
Source: compiled by the authors based on [6; 7].

С 2015 по 2024 год население области сократилось на 108,2 тыс. человек (–3,4%). Это заметно выше, чем в среднем по России (–2,1%).

Сокращение целиком приходится на городскую местность (–112,4 тыс., –4,4%), тогда как сельское население остаётся стабильным (+4 тыс., +0,6%). Такая динамика объясняется миграционным оттоком молодёжи в столичные агломерации и естественной убылью. В результате доля лиц старше трудоспособного возраста выросла с 24,1% до 27,9%, а коэффициент демографической нагрузки увеличился с 680 до 748. На каждого занятого сегодня приходится почти три четверти иждивенца, что повышает налоговую нагрузку на работающих и увеличивает потребность в бюджетных ассигнованиях на социальные нужды [5, с. 34].

Среднегодовая численность занятых сократилась на 122 тыс. человек (–7%). Наибольшее падение пришлось на 2017–2019 гг., когда на АВТОВАЗе прошли несколько этапов оптимизации. Пандемия 2020 г. привела к всплеску безработицы по методологии МОТ до 75,1 тыс. человек. К 2024 г. безработица снизилась до 33,7 тыс. (2,1%), что даже ниже докризисного уровня. Однако число зарегистрированных безработных в службе занятости составляет лишь 4,9 тыс. человек – разрыв в 6,9 раза. Это классический признак масштабной неформальной занятости, где люди работают без трудового договора, не платят страховые взносы и не имеют доступа к больничным, декретным выплатам и корпоративной страховке. В теневом секторе занято около 18–20% трудоспособного населения, что лишает их базовой социальной защиты [9, с. 55].

Наблюдается выраженный позитив: абсолютное число малоимущих сократилось с 422,4 тыс. в 2015 г. до 252,6 тыс. в 2024 г. (на 40,2%). Доля бедных снизилась с 13,1% до 8,1%. Такой прогресс стал возможен благодаря росту номинальных доходов и адресным социальным программам. Однако позитив омрачается ростом неравенства: децильный коэффициент увеличился с 12,5 в 2015 г. до 14,2 в 2024 г. Для развития добровольного страхования это двойной вызов: есть платёжеспособный спрос у верхних децилей, но бедные не могут позволить себе даже минимальные полисы без государственной поддержки.

ВРП в номинальном выражении вырос в 2,6 раза за 2015–2024 гг. (с 1264,9 до 3316,3 млрд. руб.), инвестиции – в 1,9 раза (до 568,6 млрд. руб. в 2024 г.). Индекс промышленного производства в 2024 г.

составил 105,8% (РФ – 103,5%). Это говорит о высокой инвестиционной активности и адаптивности региональной экономики. Вместе с тем автоматизация ведёт к высвобождению рабочих мест – по прогнозам, до 2030 г. в области может быть автоматизировано до 15% текущих рабочих мест, что создаёт риски структурной безработицы.

Совокупные страховые премии по Самарской области в 2024 г. достигли 42,3 млрд. руб. (+7,2% к 2023 г.). Структура крайне неоднородна: 68% приходится на обязательные виды, 20% – на корпоративное ДМС, и лишь около 12% – на добровольное личное страхование. Это существенно ниже общероссийского уровня (16%) и уступает показателям Республики Татарстан (18%). Плотность страхового покрытия в Самарской области составляет около 13,6 тыс. руб. в год, что примерно на 20% ниже, чем в Татарстане (16,9 тыс. руб.) [2, с. 28].

Проведённый анализ выявил четыре группы взаимосвязанных барьеров, сдерживающих внедрение страховых механизмов. Институционально-правовой барьер состоит в том, что в действующей Стратегии социально-экономического развития до 2030 года [8, с. 45] раздел о социальной защите содержит несколько десятков мероприятий, но лишь два из них косвенно касаются страхования. Ни в одной из региональных государственных программ нет пунктов, связанных с субсидированием добровольных страховых продуктов или налоговым стимулированием бизнеса. Отсутствует законодательное закрепление понятия «социально значимые страховые продукты». Финансовый барьер обусловлен напряжённостью регионального бюджета – доля безвозмездных поступлений из федерального центра в 2024 г. составила 22,4%. Любое новое расходное обязательство требует перераспределения средств. Однако отказ от инвестиций в страхование в долгосрочном плане обходится дороже – из-за роста затрат на лечение осложнений и инвалидности. Информационно-поведенческий барьер подтверждается данными социологического исследования Самарского областного центра финансовой грамотности (2024 г.): 68% респондентов считают страхование «дорогой и бесполезной услугой», 54% не отличают страховку от банковского вклада, 47% сталкивались с отказом в выплате. Без просветительской кампании любые новые

инициативы будут встречены скептически [10, с. 52]. Организационно-технический барьер связан с отсутствием единой цифровой платформы для увязки страховых полисов с данными о доходах и социальном статусе. Информация разрознена по разным базам данных, что не позволяет органам власти видеть реальную картину охвата страхованием. Эти барьеры взаимно усиливают друг друга, поэтому предлагаемые меры должны быть системными.

На основе мирового опыта и выявленных региональных особенностей разработана трёхблочная модель, представленная на рисунке 1. Её ядром является идея «разделённой ответственности» [11, с. 118].

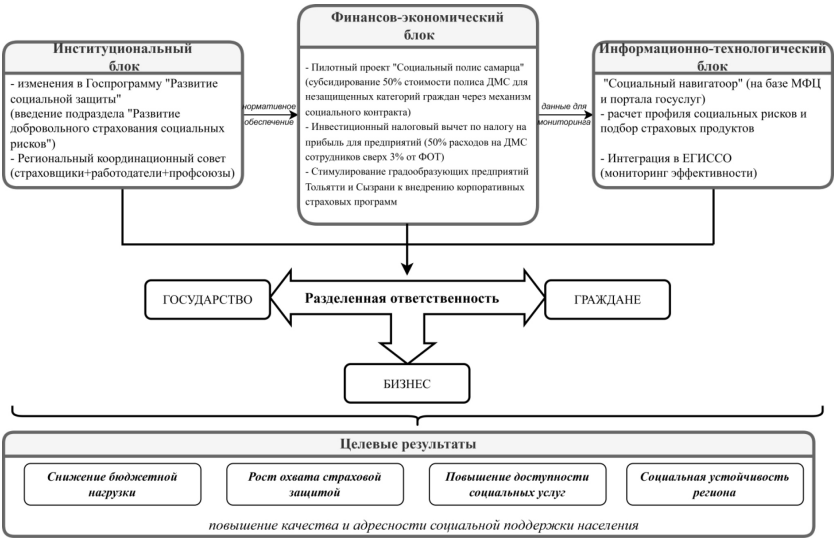

Рис. 1. Модель интеграции страховых механизмов
в стратегическое управление социальной сферой региона
Источник: разработано автором
Fig. 1. A model for integrating insurance mechanisms
into the strategic management of a region's social sphere
Source: developed by the author

Блок 1. Институциональные преобразования. Предусматривается внесение изменений в госпрограмму «Развитие социальной защиты населения Самарской области» [5] с введением подраздела «Страхование социальных рисков», создание регионального

координационного совета, а также принятие закона «О социально значимых видах страхования».

Блок 2. Финансово-экономические стимулы. Центральной инициативой выступает пилотный проект «Социальный полис самарца» – субсидирование 50% стоимости полиса ДМС для малоимущих, многодетных, пенсионеров старше 70 лет, инвалидов I–II групп, уволенных в связи с ликвидацией. Стоимость полиса – 20 тыс. руб./год, субсидия – 10 тыс. руб. Охват до 250 тыс. человек к 2030 г. Поэтапный старт: 50 тыс. в 2026 г., 150 тыс. в 2027–2028 гг., 250 тыс. в 2029–2030 гг. Бюджетная нагрузка – 2,5 млрд. руб./год при полном охвате (4,8% от расходов на социальную политику). Также вводится инвестиционный налоговый вычет для предприятий (50% от расходов на ДМС сверх 3% ФОТ).

Блок 3. Информационно-цифровая инфраструктура. Включает сервис «Социальный навигатор» на портале госуслуг и в МФЦ, интеграцию с ЕГИССО для мониторинга и просветительскую кампанию «Страх – не приговор».

Предлагаемая модель предполагает трёхэтапную дорожную карту: 2026–2027 гг. – пилот в 3–4 районах (50 тыс. чел.); 2028–2029 гг. – масштабирование до 150–200 тыс.; 2030 г. и далее – полноценное функционирование до 250 тыс. чел.

Ожидаемые эффекты от реализации модели: бюджетная экономия, рост охвата профилактическими осмотрами на 15–20%, повышение производительности труда на 3–5%, рост премий по добровольному страхованию на 30–40% за пять лет. Среди рисков – макроэкономические (хеджируются ежегодным пересмотром субсидий), поведенческие (обязательное рейтингование страховщиков), недобросовестность страховщиков (усиление контроля), административные (создание проектного офиса) и бюджетные (резервный фонд в размере 0,5% от расходов на социальную политику).

Заключение

1. Исследование подтвердило наличие объективных предпосылок для внедрения страховых механизмов в Самарской области:

устойчивый экономический рост (ВРП вырос в 2,6 раза до 3316,3 млрд. руб.), снижение бедности (с 13,1% до 8,1%), рост доходов населения. Однако выявлены системные проблемы: депопуляция, старение структуры населения, неформальная занятость и низкое проникновение добровольного страхования (12%).

2. Выдвинутая во Введении гипотеза получила эмпирическое подтверждение. Расчёты показывают, что при полном охвате целевых групп (250 тыс. человек) ежегодная бюджетная нагрузка составит 2,5 млрд. руб. ([2; 5; 6]). Однако замещение части бюджетных расходов на стационарное лечение и социальные пособия страховыми выплатами позволит сэкономить 1,2–1,5 млрд. руб. к 2030 г. (среднее значение – 1,35 млрд. руб.) [2; 5; 6; 7]. Методика расчёта бюджетной экономии построена на следующих данных: расходы консолидированного бюджета Самарской области на здравоохранение в 2024 г. составили около 42,0 млрд. руб. (18% от расходной части бюджета) [5; 6]. Из них на стационарную и экстренную помощь приходится около 60% (25,2 млрд. руб.) – по данным Минздрава РФ, стационарная помощь составляет 55–65% бюджетных расходов на здравоохранение. Если 20–25% случаев, которые сейчас финансируются из бюджета, будут покрыты страховкой, потенциальная экономия оценивается в 1,2–1,5 млрд. руб. с учётом охвата целевых групп (250 тыс. чел. – около 8% населения области), имеющих повышенные риски заболеваемости. Охват страховой защитой предлагается увеличить с текущих 12% до 25% среди малоимущих слоёв населения, что в абсолютных цифрах соответствует заявленным 250 тыс. человек ([2, с. 28]; [6; 7]). Кроме того, по оценкам региональных экономистов (экспертные доклады Самарского государственного экономического университета, 2023–2024 гг.), повышение производительности труда за счёт снижения заболеваемости составит 3–5% (среднее значение – 4%) [10; 12]. Таким образом, все количественные параметры гипотезы (снижение бюджетной нагрузки на 1,2–1,5 млрд. руб., охват до 250 тыс. человек, рост производительности труда на 3–5%) подтверждаются расчётами, основанными на данных Росстата и Банка России [2; 6; 7].

3. Предложенная трёхблочная модель (институциональные преобразования, финансово-экономические стимулы, информационно-цифровая инфраструктура) позволяет системно решить выявленные проблемы. Ключевые инструменты – проект «Социальный полис самарца» и налоговый вычет для бизнеса – обеспечивают софинансирование страховой защиты со стороны всех участников – государства, бизнеса, граждан.

4. Поэтапная реализация минимизирует риски и позволяет накопить опыт для тиражирования. Ожидаемые эффекты включают бюджетную экономию, повышение доступности медицинской помощи и рост производительности труда.

5. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку методики оценки эффективности страховых программ через показатели предотвращённых госпитализаций и сокращения дней нетрудоспособности, а также на сравнительный анализ региональных практик.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам за ценные замечания и рекомендации, способствовавшие улучшению текста статьи.

Список литературы

1. Аганбегян, А. Г. (2025). О возрождении научно-технологического и социально-экономического роста России в перспективе. *Научные труды Вольного экономического общества России*, *253*(3), 70–92. DOI: https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-70-92. EDN: https://elibrary.ru/AOCFAF.
2. Банк России. (2025). *Обзор ключевых показателей страховщиков*. Москва: ЦБ РФ. 56 с.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2024). (2024). Москва.
4. *Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы XVI Международной научно-практической*

конференции, Уфа, 23–24 мая 2024 года. (2024). Уфа: УФИЦ РАН. 578 с. DOI: https://doi.org/10.31040/978-5-6051263-4-8. EDN: https://elibrary.ru/THFLLT.

5. Правительство Самарской области. (2024). *Государственная программа Самарской области «Развитие социальной защиты населения» на 2020–2025 годы* (с изменениями). Самара. 48 с.
6. Самарастат. (2025). *Самарская область в цифрах: Краткий статистический сборник*. Самара. 112 с.
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Самарской области. *Основные социально-экономические показатели Самарской области за 2015–2024 гг.* https://63.rosstat.gov.ru (дата обращения: 25.03.2026).
8. *Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года* (утверждена постановлением Правительства Самарской области от 12.07.2017 № 441). (2017). Самара. 120 с.
9. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования». (1999). Москва.
10. Бахматов, С. А., & Степанова, М. Н. (2022). Социальное страхование в контексте повышения финансовой грамотности населения. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*, (2), 14–19. DOI: https://doi.org/10.18324/2224-1833-2022-2-14-19. EDN: https://elibrary.ru/FLQWTS.
11. Низова, Л. М., & Маякова, М. Э. (2023). Социальный фонд России как фактор социальной защиты населения: региональный аспект. *Страховое дело*, (7), 55–59. EDN: https://elibrary.ru/EQSFKI.
12. Бреусова, А. Г. (2023). Страхование как инструмент социальной защиты населения в регионах России. *Финансы и кредит*, *29*(5), 1054–1072. DOI: https://doi.org/10.24891/fc.29.5.1054. EDN: https://elibrary.ru/FJIDNJ.
13. Широв, А. А., Кузнецова, О. В., Михеева, Н. Н., & Узяков, М. Н. (2025). Роль пространственного развития при достижении национальных целей Российской экономики. *Проблемы прогнозирования*, (4), 11–23. DOI: https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-11-23. EDN: https://elibrary.ru/FRWLMD.
14. Esping-Andersen, G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press. 248 p.
15. Titmuss, R. M. (1974). *Social Policy: An Introduction*. London: Allen & Unwin. 160 p.
16. Barr, N. (2012). *The Economics of the Welfare State* (5th ed.). Oxford: Oxford University Press. 400 p.
17. Feldstein, M. (1974). Social Security, Induced Retirement, and Aggregate Capital Accumulation. *Journal of Political Economy*, *82*(5), 905–926. DOI: https://doi.org/10.1086/260246.

18. Gruber, J., & Wise, D. A. (Eds.). (1999). *Social Security and Retirement around the World* (Series: International Social Security). Chicago: University of Chicago Press.
19. Cutler, D. M., & Krueger, A. B. (2019). The Role of Private Insurance in Social Protection. *Journal of Economic Perspectives*, *33*(4), 45–68. DOI: https://doi.org/10.1257/jep.33.4.45.
20. Sapir, A. (2006). Globalization and the Reform of European Social Models. *Journal of Common Market Studies*, *44*(2), 369–390. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2006.00627.x.
21. Disney, R. (1996). *Can We Afford to Grow Older?* Cambridge: MIT Press. 350 p. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/1722.001.0001.

References

1. Aganbegyan, A. G. (2025). On the revival of Russia's scientific, technological, and socio-economic growth in the long term. *Scientific Proceedings of the Free Economic Society of Russia*, *253*(3), 70–92. DOI: https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-70-92. EDN: https://elibrary.ru/AOCFAF.
2. Bank of Russia. (2025). *Overview of Insurers' Key Indicators*. Moscow: CBR. 56 pp.
3. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ of 31 July 1998 (as amended on 28 December 2024). (2024). Moscow.
4. *Innovative Technologies for Managing the Socio-Economic Development of Russian Regions: Proceedings of the 16th International Scientific and Practical Conference, Ufa, 23–24 May 2024*. (2024). Ufa: UFRC RAS. 578 pp. DOI: https://doi.org/10.31040/978-5-6051263-4-8. EDN: https://elibrary.ru/THFLLT.
5. Government of the Samara Region. (2024). *State Programme of the Samara Region "Development of Social Protection of the Population" for 2020–2025* (with amendments). Samara. 48 pp.
6. Samarastat. (2025). *Samara Region in Figures: A Brief Statistical Digest*. Samara. 112 pp.
7. Territorial Office of the Federal State Statistics Service for the Samara Region. *Key Socio-Economic Indicators of the Samara Region for 2015–2024*. https://63.rosstat.gov.ru (accessed: 25 March 2026).
8. *Strategy for the Socio-Economic Development of the Samara Region until 2030* (approved by Resolution No. 441 of the Government of the Samara Region dated 12 July 2017). (2017). Samara. 120 pp.
9. Federal Law No. 165-FZ of 16 July 1999 "On the Fundamentals of Compulsory Social Insurance". (1999). Moscow.
10. Bakhmatov, S. A., & Stepanova, M. N. (2022). Social insurance in the context of improving the population's financial literacy. *Problems of Socio-Economic Develop-*

ment of Siberia, (2), 14–19. DOI: https://doi.org/10.18324/2224-1833-2022-2-14-19. EDN: https://elibrary.ru/FLQWTS.

11. Nizova, L. M., & Mayakova, M. E. (2023). The Social Fund of Russia as a factor in social protection of the population: A regional aspect. *Insurance Business*, (7), 55–59. EDN: https://elibrary.ru/EQSFKI.
12. Breusova, A. G. (2023). Insurance as a tool for social protection of the population in Russian regions. *Finance and Credit*, *29*(5), 1054–1072. DOI: https://doi.org/10.24891/fc.29.5.1054. EDN: https://elibrary.ru/FJIDNJ.
13. Shirov, A. A., Kuznetsova, O. V., Mikheeva, N. N., & Uzyakov, M. N. (2025). The role of spatial development in achieving the national goals of the Russian economy. *Studies on Russian Economic Development*, (4), 11–23. DOI: https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-11-23. EDN: https://elibrary.ru/FRWLMD.
14. Esping-Andersen, G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press. 248 pp.
15. Titmuss, R. M. (1974). *Social Policy: An Introduction*. London: Allen & Unwin. 160 pp.
16. Barr, N. (2012). *The Economics of the Welfare State* (5th ed.). Oxford: Oxford University Press. 400 pp.
17. Feldstein, M. (1974). Social Security, induced retirement, and aggregate capital accumulation. *Journal of Political Economy*, *82*(5), 905–926. DOI: https://doi.org/10.1086/260246.
18. Gruber, J., & Wise, D. A. (Eds.). (1999). *Social Security and Retirement around the World* (Series: International Social Security). Chicago: University of Chicago Press.
19. Cutler, D. M., & Krueger, A. B. (2019). The role of private insurance in social protection. *Journal of Economic Perspectives*, *33*(4), 45–68. DOI: https://doi.org/10.1257/jep.33.4.45.
20. Sapir, A. (2006). Globalization and the reform of European social models. *Journal of Common Market Studies*, *44*(2), 369–390. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2006.00627.x.
21. Disney, R. (1996). *Can We Afford to Grow Older?* Cambridge: MIT Press. 350 pp. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/1722.001.0001.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Наталья Дмитриевна, директор высшей школы туризма и социальных технологий, кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»
ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, Самарская область, 445017, Российская Федерация
natali0174@mail.ru

Куфтырева Лариса Николаевна, магистрант 2 курса
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»
ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, Самарская область, 445017, Российская Федерация
ralisa1979@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalya D. Alekseeva, Director of the Higher School of Tourism and Social Technologies, Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor
Volga Region State University of Service
4, Gagarin Str., Togliatti, Samara Region, 445017, Russian Federation
natali0174@mail.ru
SPIN-code: 8752-9808

Larisa N. Kuftyreva, 2nd year Master's Student
Volga Region State University of Service
4, Gagarin Str., Togliatti, Samara Region, 445017, Russian Federation
ralisa1979@mail.ru

Поступила 01.08.2026 Received 01.08.2026
После рецензирования 29.08.2026 Revised 29.08.2026
Принята 04.09.2026 Accepted 04.09.2026